

УДК 342.56(470.47)
ББК Х71(2Рос.Калм.)–1

ИЗМЕНЕНИЯ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ КАЛМЫКИИ В XVII–XIX ВЕКАХ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Ц.А. Сарангов

В статье анализируется развитие национальных институтов власти и управления Калмыкии, предпринимается попытка рассмотреть процесс интеграции судебных органов кочевого общества в систему общероссийского законодательства. Рассматривается специфика деятельности Зарго в условиях политической зависимости от России.

Ключевые слова: калмыцкое право, суд Зарго, государственно-политические институты, калмыцкое ханство, российский абсолютизм, виды преступлений, высшая судебная власть.

Калмыцкое право всегда привлекало к себе внимание исследователей. Вобрав в себя наиболее важные нормы монгольского права, оно стало основным правовым регулятором жизни калмыцкого народа, просуществовав практически в неизменном виде вплоть до середины XIX века. Калмыцкое традиционное право, как и первые писанные источники права народов древнего и средневекового периодов истории человечества, являлось исходным пунктом последующего правового развития калмыцкого народа. Право калмыков как народа, хозяйственной базой которого являлось кочевое и полукочевое скотоводство, имело много оригинальных и отличных от писаного права оседлых народов Европы и других континентов начального периода их исторического развития особенностей. Эти особенности заключались в том, что все основные правовые институты были связаны со скотоводством. У калмыков выкупы, штрафы исчислялись количеством и качеством скота; обязательства заключались прежде всего по поводу отношений, связанных со скотоводческим хозяйством; заключение брака сопровождалось уплатой калыма в виде определенного количества и качества скота и т. д.

В конце XVII – первой половине XVIII в. в Калмыкии сложилась своя система судоустройства и судопроизводства, известная под наименованием «Зарго». Следует отметить, что монголо-ойратские законы 1640 г. совершенно не упоминают ни о Зарго, ни о его членах (заргучи), из чего исследователями делается вывод, что в то время этот институт не был известен ни в Монголии, ни в Джунгарии, ни в Калмыкии [7, с. 132]. Однако законы калмыцкого правителя Дондук-Даши, появившиеся примерно через 100 лет после съезда 1640 г., говорят о Зарго и заргучи вполне определенно и неоднократно [2, с. 4, 9]. Исходя из этого, в статье предпринята попытка историко-правового анализа судебных функций традиционных органов управления Калмыкии XVII–XIX вв. и их интеграции в правовую систему Российского государства.

Источники начала XVIII в. упоминают, что калмыцкий хан управлял своим государством при помощи Зарго. В это время данное учреждение имело двоякое значение: ханского совета, с одной стороны, и высшей судебной инстанции – с другой. В.М. Бакунин отмечал по этому поводу: «Зарго на их языке, а на нашем языке суд, бывает всегда при дворе ханском, и присутствуют в особой кибитке ханские первые и вернейшие зайсанги, между которыми бывают и из попов по человеку и по двое, на которых верность хан надежду имеет, а всех по их древнему

обыкновенно больше 8 человек не бывает... От этой зарги зависит правление всего калмыцкого народа, и в оной сочиняются указы ханские и калмыцким владельцам о публичных делах, и черные приносятся хану для апробации и потом переписываются набело и припечатываются ханской печатью, которая хранится у первейшего и вернейшего его зайсанга» [1, с. 146].

Сообщение Бакунина подтверждается и Палласом, который, однако, дополнил его важным указанием, что подобные учреждения существовали не только при хане, но и в каждом улусе при их правителях «для отправления правосудия между своими подданными», и что они также назывались Зарго [8, с. 300]. В своей судебной деятельности Зарго руководствовался законами 1640 г. и обычным правом. Все решения этого суда приобретали законную силу лишь после их утверждения ханом.

Но такое положение сохранялось только до 12 августа 1762 г., когда вступило в действие положение о Зарго, разработанное центральными властями. Российский абсолютизм, реформируя традиционные государственно-политические институты Калмыкии, стремился поставить их под свой контроль и даже прямое управление. По новому положению суд Зарго составлялся из нойонов, представлявших все калмыцкие улусы, а не только один ханский. Состав Зарго отныне подлежал утверждению русским правительством. Все дела в нем теперь должны были решаться по большинству голосов, причем хан, в случае своего несогласия, уже не мог единолично своей властью отменить вынесенное постановление, а должен был просить у царского правительства разрешения на его отмену или изменение [7, с. 181–182]. Был создан общенародный калмыцкий суд [9, т. XVI, № 12198], который, однако, просуществовал недолго. В результате реформы традиционного суда Зарго наместник Убаши потерял значительный объем судебной власти.

Как известно, в 1771 г. большая часть калмыков покинули территорию их постоянного кочевания и ушли в Джунгарию. После откочевки улусов во главе с Убаши правительство России предписало астраханскому губернатору Н.А. Бекетову и генералу де Меду

принять необходимые меры на случай, если оставшиеся калмыки попытаются двинуться вслед за ушедшими. В 1772 г. астраханские власти распределили между тайшами 4 706 кибиток, принадлежавших ранее хану Убаши и оставшихся в приволжских степях. В правительственных кругах опасались, что эти калмыки будут силой пытаться пробиться на луговую сторону Волги с целью догнать Убаши. Н.А. Бекетов в августе 1771 г. предложил вызвать в Петербург и там задержать трех тайшей, в лояльности которых он сомневался: дербетского Цебек-Убаши, торгоутских Яндыка и Асарху. 18 октября они были вызваны в Коллегию иностранных дел в Петербурге. Но Яндык умер в пути, а Цебек-Убаши и Асарху в 1774 г. почти одновременно умерли в столице России. Смерть тайшей вызвала в Калмыцкой степи слухи об их умерщвлении русскими властями и явилась причиной брожения среди калмыков [7, с. 221–222].

После откочевки части калмыков из России Екатерина II 19 октября 1771 г. издала указ о ликвидации Калмыцкого ханства, упразднив при этом сами звания «хан» и «наместник ханства». Этот указ явился продолжением политики царского правительства, направленной на ограничение самостоятельности правителей Калмыцкого ханства. В 1771 г. его автономия не только фактически, но и юридически была ликвидирована. Отныне все тайши, кочевавшие в приволжских степях, становились совершенно независимыми друг от друга и должны были управлять своими улусами самостоятельно, но под бдительным надзором русских властей. Управление улусами переходило по наследству от отца к сыну, а при отсутствии прямых наследников улус переходил в казенное ведомство. Ликвидировав Калмыцкое ханство, царское правительство в том же 1771 г. осуществило общую перестройку аппарата управления калмыками. Их делами теперь стала ведать особая Экспедиция калмыцких дел, учрежденная при канцелярии астраханского губернатора. При правителях же улусов были назначены приставы из числа русских чиновников. В следующем, 1772 г., при Экспедиции калмыцких дел был учрежден калмыцкий суд Зарго, состоящий из трех членов – по одному представителю от трех главных улусов: торгоутов, дербетов и хошоутов.

Таким образом, в результате общих административных реформ 1770-х годов, направленных на укрепление дворянской диктатуры в стране, царизм приступил к уничтожению остатков автономии калмыцкого ханства [7, с. 222].

После ликвидации Калмыцкого ханства суд Зарго хоть и существовал, но находился под постоянным контролем приставов. Институт приставов в России был введен в 1782 г. в соответствии с губернской реформой; главная их обязанность заключалась в обеспечении охраны порядка, исполнения законов. Поэтому основная задача Главного пристава и частных приставов по улусам состояла в осуществлении надзора, в охране порядка, участии в судебных разбирательствах [5, с. 40–41]. Все это вызывало недовольство в среде калмыков, особенно предложения Главного пристава Н.И. Страхова о ликвидации должности наместника и реорганизации Зарго. В 1801 г. тайджи Чучей был возведен в достоинство Калмыцкого Наместника, помимо этого при нем был сформирован и калмыцкий суд Зарго (два духовных лица и шесть светских; председатели – наместник Чучей и Главный пристав с российской стороны), зависящий непосредственно от Коллегии иностранных дел. Однако после смерти Чучей в 1803 г. наместничество – слабое напоминание о былом ханском величии было ликвидировано.

В сложившейся обстановке в управлении Калмыкии Александр I по предложению Коллегии иностранных дел подписал 26 октября 1803 г. именной указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и Суда их Зарго астраханскому военному губернатору» [9, т. XXVII, № 21011]. В Указе отмечалось, что «для... большей удобности к прекращению частых их распрей, повелеваем, чтобы Главный пристав, при них находящийся, и Суд их, именуемый Зарго, оставались по-прежнему в ведомстве Государственной Коллегии Иностранных дел, были подчинены, близости их кочевья, астраханскому военному губернатору».

В июле 1807 г. последовало Предписание главнокомандующего графа Гудовича о правах суда Зарго разбирать только тяжбы калмыков, а грабеж, воровство, убийство должны были рассматриваться в присутственных местах по российским законам. В Предписании, в част-

ности, было указано, что «калмыцкий суд Зарго по претензиям на калмык разбирать должен только тяжбы. За воровство, грабительство и смертные убийства калмыки мнению моему должны судиться по общим Российским законам в надлежащих присутственных местах, ибо дела таковые не есть уже тяжёбные» [6, л. 1].

Сами калмыки неоднозначно восприняли изменения, внесенные российской администрацией в их традиционную судебную систему. Так, в 1817 г. члены калмыцкого суда Зарго вышли с прошением восстановить прежние права суда Зарго с повелением находиться при нем безотлучно во все времена года определенному к ним от Коллегии иностранных дел главному приставу; также размежевать пожалованные им земли для спокойного владения по занятию их в скотоводстве [6, л. 3]. Комиссия прошений, куда обратились члены Зарго, в силу важности содержания прошения приняла решение доложить его Императорскому Величеству, внести его в Комитет министров [6, л. 3 об.].

В следующем прошении члены суда Зарго указывали, что «посторонние заведования по делам калмыцкого народа не только причиняют ему крайнее разорение, но и произвели в оном большое разбродство, ибо не только не дают оному свободу чинить судопроизводство по нашим законам, правам и преимуществам, дарованным Вашим императорским величеством, но сверх того не давая знать ничего оному суду делают свои распоряжения...» [6, л. 7]. В связи с этим просьба членов суда Зарго заключалась в том, чтобы Главный пристав находился безотлучно зимой и летом при суде Зарго, располагавшемся в центре калмыцких улусов, «как для скорого решения дела в суде Зарго, так и для содействия оному в защите калмыцкого народа от разорений, причиняемых нам жителями окружных губерний и донскими казаками. Но дабы могло быть все сие исполнено по силе высочайших грамот, дарованных нашему народу, и чтобы дела наши могли иметь законное течение, Суд Зарго просит учредить начальником одного из владельцев с согласия калмыцкого народа» [6, л. 9, 9 об.].

Дело окончательно разрешилось в 1819 г., когда в Азиатский департамент Министерства иностранных дел был послан рапорт, в соответствии с которым было принято

решение, «что преобразование суда Зарго, а равно всего калмыцкого штата необходимо, что касается постановления наместника, то вместо оно́го в предупреждение могущих быть в неудовольствии полезнее учредить из владельца председателя, избираемого на срочные годы для соблюдения порядка по суду Зарго» [6, л. 83 об.]. Таким образом, изменения, внесенные российской администрацией в функционирование суда Зарго, были минимальными. Единственно, на что пошли российские власти, так это на то, чтобы суд возглавлялся одним из владельцев. Хотя принципиального значения для функционирования этого судебного органа это уже не имело. Судебная система калмыков постепенно входила в российское правовое пространство.

С 1825 г. на суд Зарго были возложены и функции окружного органа управления. Состав суда существенно не изменился. В его состав входили восемь человек (два от духовенства, шесть от владельцев и зайсангов), которые избирались в улусах сроком на три года и утверждались Комиссией прошений. Содействие работе Зарго оказывал один из специально прикрепленных помощников Главного пристава [5, с. 44]. Зарго рассматривал гражданские дела на сумму не свыше 400 рублей. В основном это были преступления, связанные с кражей скота, чужого имущества, отлучками и самовольными переходами от одного владельца к другому. Кроме центрального суда Зарго, в соответствии с § 40 Правил 1825 г., решения маловажных дел возлагались на улусное управление, в «каждой Орде полагаемое».

Правилами 1825 г. все суды были разделены на гражданские и духовные, разбиравшие дела, касавшиеся религии, духовных лиц, семейные. Зарго выступал по отношению к улусным судам как высшая апелляционная инстанция и принимал к рассмотрению иски на сумму свыше 200 рублей, по спорам по имениям, управлению аймаками и другому [9, т. XL, № 30290].

В этом же документе впервые определялись виды уголовного преступления в Калмыкии: измена; неповиновение властям; возмущение, побег за границу со злым намерением; убийство; грабеж, изготовление фальшивых денег; воровство свыше трех раз. Как

видно, вышеперечисленные виды преступлений отличались от традиционных, присущих калмыцкому праву. Однако отмечалось, что уголовные дела судом Зарго не рассматриваются. Согласно § 36 Правил 1825 г. «Винные в сих преступлениях Калмыки судятся в Российских Присутственных местах, по общим Государственным установлениям» [9, т. XL, № 30290]. В этом заключается эволюция правовой системы калмыков, которая в начале XIX в. подверглась трансформации под влиянием русского законодательства. В дальнейшем это положение нашло свое отражение еще в одном документе, касающемся управления калмыками, а именно в «Положении об управлении калмыцким народом». Оно было принято Государственным Советом и утверждено 24 ноября 1834 г. императором Николаем I и существенно изменило правовой статус Калмыкии. Отныне она становилась самостоятельной областью, подчиненной Министерству внутренних дел, а на месте – его уполномоченному (астраханскому военному губернатору).

Высшим судебным органом в Калмыкии, по Положению 1834 г., являлся суд Зарго, рассматривающий гражданские, уголовные, а также семейные дела. Суд Зарго руководствовался при рассмотрении уголовных дел российскими законами, а гражданских – древними калмыцкими законами («Великим Уложением» 1640 г., токтолами (законами) Дондук-Даши, обычным правом). Судопроизводство осуществлялось на русском языке и, при необходимости, с обязательным переводом на калмыцкий язык.

Улусные суды относились к судебным органам первой степени, которые рассматривали дела по предписаниям Совета калмыцкого управления, суда Зарго, улусного попечителя, а также по просьбе частных лиц.

Улусные суды составляли в Калмыцком управлении первую ступень суда и расправы, принимали к рассмотрению и производству следующие категории дел: уголовные, следственные, судебно-полицейские, дела по опеке и тяжбы между калмыками разных улусов и с посторонними лицами.

Составлялись они в каждом улусе под председательством нойона-владельца или правителя улуса, с званием Улусного судьи, из

улусного попечителя, его помощника и двух заседателей – зайсангов. Заседатели улусных судов из почетнейших зайсангов избирались на три года зайсангами того улуса, под руководством нойона – владельца или Правителя и при содействии попечителя и утверждались в званиях астраханским военным губернатором.

В соответствии с гл. 6 «О Суде Зарго» Положения об управлении Калмыцким народом, опубликованного от 28 декабря 1835 г. [10, т. X, № 7560а], на его рассмотрение поступали: 1) уголовные дела, подведомственные Астраханскому Калмыцкому управлению; 2) тяжбы между калмыками или с посторонними людьми; 3) «дела между Калмыками по несогласию родителей с детьми и о неповиновении детей родителям»; 4) жалобы калмыков на неправильное производство дел в улусных судах.

Решения, принимаемые по уголовным делам, представлялись на утверждение военному губернатору, который утверждал постановления суда Зарго. В случае если тяжущиеся стороны не были довольны решением суда, то они могли подать жалобу в Сенат. Сами уголовные дела могли рассматриваться Зарго только в тех случаях, если они были направлены на ревизию из улусных судов или были предложены суду от военного губернатора. Кроме того, суд Зарго рассматривал тяжёлые дела, решением которых в улусных судах тяжущиеся стороны были недовольны.

В соответствии с § 100 Положения об управлении калмыцким народом суд Зарго при рассмотрении уголовных дел должен был руководствоваться российским законодательством, при решении вопросов гражданского судопроизводства – «древними Калмыцкими постановлениями», а в случае недостатка их – также законами Российской империи. Таким образом, традиционное судопроизводство все больше и больше подчинялось общероссийскому законодательству.

Положение об управлении калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. внесло некоторые изменения в организацию управления Калмыкии. Улусным судебным органом являлся Зарго, рассматривающий гражданские, семейные, уголовные дела, вопросы опекунов, имущественные споры (если между калмыками, то они решались по калмыцким зако-

нам или нормам обычного права). Улусный Зарго состоял из председателя (нойон – владелец или правитель), двух членов (старший назначался попечителем, младший – помощником попечителя), двух заседателей, избираемых из зайсангов улусным сходом на 3 года [5, с. 55–56].

Новое положение подробно регламентировало процесс судопроизводства улусного Зарго, впервые вводя такие процедуры, как отдача на поруки, принесение истцом и ответчиком присяги, текст которой составлялся ламой и утверждался министром государственных имуществ, обязательное присутствие свидетелей и т. д. Имущественные споры, сумма которых превышала 30 рублей, а также уголовные дела, выходящие за пределы полномочий Зарго, передавались в вышестоящий судебный орган – астраханскую палату уголовного и гражданского суда.

По мере распространения российского законодательства на калмыков они подвергались напрасной, с их собственной точки зрения, ответственности. Многие из них попадали в тюрьмы за такие преступления, «которые по древнему народному уставу, составленному сообразно с обычаями калмыков, не навлекали бы на них такую меру наказания или наказывались бы немедленно без всякой канцелярской волокиты». В свою очередь, разграничение подсудности не учитывало реалий традиционного уклада и особенностей изолированного проживания кочевых народов. Определение подсудности не контролировалось, учитывая высокий уровень доверия к традиционным органам и уважение обычаев. Информация о правонарушениях не выходила за пределы рода.

Таким образом, калмыки в составе Российского государства имели свои национальные институты власти и управления, свою систему судопроизводства и судопроизводства, традиционное сословное деление. Но в условиях политической зависимости от России институты политической организации калмыков постепенно видоизменялись. Отношения России и Калмыцкого ханства неминуемо эволюционировали в сторону все большей зависимости ханства и уменьшения сферы политической власти его правителей. И уже в первой половине XIX в. традиционные судебные учреждения калмыков

постепенно сходят на нет, становясь низовой ступенью российской судебной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакунин, В. М. Описание истории калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев : соч. 1761 г. / В. М. Бакунин. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1995. – 153 с.
2. Голстунский, К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / К. Ф. Голстунский. – СПб. : Тип. Император. академии наук, 1880. – 236 с.
3. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.) / И. Я. Златкин. – М. : Наука, 1964. – 482 с.
4. Костенков, К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астрахан-

кой губернии / К. Костенков. – СПб. : Тип. В. Нувальта, 1870. – 168 с.

5. Максимов, К. Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации / К. Н. Максимов. – М. : Республика, 1995. – 320 с.

6. Национальный архив Республики Калмыкии (НА РК). Ф. И-45. Оп. 1. Д. 159.

7. Очерки истории Калмыцкой АССР. В 2 т. Т. 1. – М. : Наука, 1967. – 439 с.

8. Паллас, П. Собрание исторических известий о монгольских народах / П. Паллас. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1776. – 237 с.

9. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). В 45 т. СПб. : Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

10. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). В 55 т. СПб. : Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885, 1911.

CHANGES OF JUDICIAL SYSTEM IN KALMYKIA IN XVII–XIXth CENTURIES (HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)

Ts. A. Sarangov

The article presents the analysis of the development of national institutions of power and management in Kalmykia, it also undertakes the attempts to observe the integration process of judicial authorities of nomadic society of Zargo's activity under the conditions of political dependence on Russia.

Key words: *Kalmyk law, Zargo's trial, state political Institutions, Kalmyk khanate, Russian absolutism, kinds of crimes, higher judicial authority.*